

ПРОТЕСТНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ: ВАРИАНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Излагается вариант интерпретации феномена политического протеста в российской интернет-среде. Автор отталкивается от идей американского антрополога Джеймса Скотта, предложившего различать скрытый и публичный транскрипты как специфические типы нарративов, характеризующих политическое господство.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический консьюмеризм, господство, «скрытый транскрипт» / «публичный транскрипт», цифровой раскол, легитимация.

Современная молодежь хочет выбирать руководство государства точно так же, как выбирает сорт кофе.

М. Прохоров, январь 2012 г.

Этот край недвижим. Представляя объем валовой
Чугуна и свинца, обалделой тряхнешь головой,
Вспомнишь прежнюю власть на штыках и казачьих нагайках.
Но садятся орлы, как магнит, на железную смесь.
Даже стулья плетеные держатся здесь
На болтах и на гайках.

*И. Бродский «Конец прекрасной эпохи»
декабрь 1969 г.*

Проблематика политического и, более узко, мобилизационного потенциала «новых медиа» является одной из самых актуальных тем современной политологии и политической коммуникативистики. В статье речь пойдет о том, как возможно интерпретировать феномен политического протеста в интернет-среде, на какие концептуальные построения мы можем при этом опираться, чтобы сохранить здравый смысл и не впасть в восхваление мифологии «интернет-демократии»¹. При этом необходимо подчерк-

нуть, что сама мифология этого «дивного нового мира» в действительности представляет собой очередной вариант интерпретации социальных процессов с технократических позиций, в основе которого лежит базовый тезис о том, что именно технологии являются доминантным фактором общественного развития, именно они порождают альтернативную социальность и «подлинное» гражданское общество².

На размышления по поводу способности интернет-коммуникации трансформировать

¹ Критический анализ феномена «цифровой демократии» см.: *Hindman M. S. The Myth of Digital Democracy. Princeton, N.-J.: Princeton University Press, 2009.* Краткую рецензию на русском языке см.: *Быков А. И. Миф цифровой демократии // Политическая наука. 2011. № 2. С. 252–257.*

² Подробнее см.: *Трахтенберг А. Д. В поисках утраченной альтернативы: Интернет как объект анализа в восходящих к Ж. Лакану теориях медиа // Изв. Урал. гос. ун-та. 2010. № 1 (73). С. 28–38.*

политические институты, безусловно, провоцирует и текущая российская электоральная ситуация 2011–2012 гг., которая, пожалуй, впервые за всю постсоветскую историю дает возможность наглядно наблюдать и анализировать протестную политическую активность именно в интернет-среде. Так, комментируя итоги российских парламентских выборов в декабре 2011 г., отечественный политолог Г. Голосов пишет: «Именно из Интернета люди узнали, что единственный способ что-то изменить на контролируемых властями выборах – это проголосовать за любую из партий, кроме “Единой России”, не обращая внимания на очевидные недостатки этих партий... 4 декабря провал “Единой России” показал, что эта стратегия была правильной. Интернет завоевал доверие граждан, а значит – стал каналом для массовой реакции на итоги выборов. Благодаря блогам и социальным сетям политический протест вышел на улицы российских городов»³. Онлайн-мобилизация привела к офлайн-протестам и крайне неуклюжей реакции власти, не привыкшей иметь дело с таким электоратом («бандерлогами», как его окрестил В. Путин, сделав тем самым блестящий PR-подарок своим политическим оппонентам). Даже без социологических опросов и исследований заметно распространение своего рода «интернет-оптимизма», генерирующего чувство свободы и возможности политического самовыражения в определенных социальных слоях и возрастных группах российского общества.

Предлагаем свою точку зрения по данной теме, отдавая себе отчет в ее безусловной концептуальной ограниченности.

*Политическая коммуникация предполагает активность «доминируемых»*⁴ *акторов*. Мир политического с определенной точки зрения можно представить как иерархически организованные коммуникации между тремя акторами: элитами, медиа и населением⁵. Если отталкиваться от этой

трехзвенной цепочки, то протестная активность – это феномен политической культуры, предполагающий, что аудитории медиа – это не пассивные объекты властно-политической индоктринации, а активные акторы политической коммуникации⁶, которые выработывают собственные способы интерпретации идеологических нарративов элит и способы сопротивления этому воздействию. Такое сопротивление означает, что доминируемые акторы не только реинтерпретируют нарративы власти, но и выработывают собственные.

Специально подчеркнем, что активность доминируемых – это не синоним активности протестующих. Усвоение «языка верхов» и дискурсивных практик власти является для доминируемых ключевым условием их вертикальной социальной и политической мобильности, тем более необходимым, чем экстремальнее и эффективнее работают «лифты», связывающие между собой «верхи» и «низы» (классический пример – ситуации социальных революций). Причем сама активность доминируемых – это константная характеристика отношений господства, принимающая различные формы, в первую очередь в виде практик «конструирования себя» в зависимости от конкретной исторической эпохи⁷. В любом

ской истории см.: *Бодрунова С. С.* Современные стратегии британской политической коммуникации. М., 2010.

⁶ Подробнее о понятии «активных аудиторий» см.: *Медиа: Введение* / Под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М., 2005. С. 347–355.

⁷ На материале советской истории практики конструирования идентичности исследованы Ш. Фицпатрик и О. В. Хархординым. См.: *Фицпатрик Ш.* «Срывайте маски!» Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011; *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002. Исследования последних десятилетий убедительно доказывают иллюзорность представлений о тотальном единомыслии в эпоху сталинской диктатуры. См.: *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М., 2011. О сопротивлении сталинизму см. специальный выпуск: *The Resistance Debate in Russian and Soviet History* / ed. M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. № 1/1. О крестьянском сопротивлении см.: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010; *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы. Деревня. М., 2008.

³ *Голосов Г.* Развеечный миф. URL: <http://polit.ru/article/2011/12/12/mith/>

⁴ Это слово, аномальное с точки зрения грамматических норм русского языка, используется, однако, как термин в русском переводе с французского ряда социологических работ. См., например: *Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П.* Начала практической социологии. М.; СПб., 2001. С. 64.

⁵ Серьезный анализ данной проблематики на примере последних десятилетий британской политиче-

случае представление о том, что общество можно рассматривать как пассивную атомизированную среду, зависимую от манипулятивных технологий медиа, находящихся под контролем элиты, необходимо отбросить.

Важнейшая сфера реализации протестной активности доминируемых – «скрытый транскрипт». Перспективной схемой анализа активности доминируемых может служить концепция власти, предложенная американским антропологом Джеймсом Скоттом в его известной книге «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты»⁸. Отталкиваясь от идеи отношений власти как асимметричного конфликта акторов, Скотт вводит два понятия: «публичный транскрипт» и «скрытый транскрипт». Эта бинарная пара описывает важнейшие характеристики коммуникации доминирующих и доминируемых. Критически анализируя эту теорию и противопоставляя ей свою трехмерную концепцию власти, С. Льюкс отмечает: суть тезиса Скотта «в том, что жертв господства следует рассматривать как тактических и стратегических

акторов, которые притворяются для того, чтобы выжить» [2010. С. 180].

Итак, властные и асимметричные отношения акторов распадаются на два самостоятельных модуса коммуникации. Первый модус – «публичный транскрипт», т. е. то, что происходит на сцене, а не за кулисами господства. Именно тут циркулируют многочисленные ритуалы, направленные на поддержание иерархического «статуса кво», и царит доминирующая в обществе идеология⁹. Это своего рода политический спектакль, если пользоваться термином М. Эдельмана¹⁰, или инсценировки, где каждый играет свою роль. Скотт пишет так: «Власть господствующих... обычно добывается – в публичном транскрипте – того, чтобы не иссякал поток изъявлений почтения, уважения, благоговения, восхищения, чествования и даже поклонения, которые еще больше убеждают правящие элиты в том, что их притязания фактически подтверждаются той социальной реальностью, которую они видят своими глазами» [1990. Р. 87, 93].

Второй коммуникативный модус – «скрытый транскрипт», когда господа общаются с господами, а подчиненные с подчиненными, т. е. это «политическое закулистье», где все говорят «то, что думают на самом деле». Когда сбрасываешь маски и, сидя в кафе после тяжелых трудовых будней, обсуждаешь своих начальников-недотеп (а они в дискурсе доминируемых, как правило, выступают именно в такой функции), то ты чувствуешь в этой коммуникативной ситуации, что свободен. Нарратив «скрытого транскрипта» всегда насыщен элементами карнавальской субкультуры, это та сфера, где циркулирует «неофициальное» и «смеховое» в бахтинском смысле слова. При этом следует специально подчеркнуть, что существовали и существуют ритуалы легитимного проявления «скрытых транскриптов» – это праздники и карнавалы, когда народ выходит на городские площади и коронует на время альтернативную власть¹¹. Однако очень важно понимать, что

⁸ См.: *Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven; L.: Yale University Press, 1990. Краткое введение в комплекс антропологических идей Дж. Скотта на русском языке см.: *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб., 2008. С. 202–208; *Ледяев В., Ледяева О.* Многомерность политической власти: концептуальные дискуссии // *Логос*. 2003. № 4–5 (39). С. 23–32; *Никулин А. М.* Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Дж. Скотта // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Социология*. 2003. № 1 (4). С. 130–140; *Тумаев К.* С точки зрения власти – с точки зрения подвластных. Джеймс Скотт. «Благими намерениями государства...» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. 9, № 3. С. 187–193. Отечественные социологи С. Барсукова и Э. Панеях постарались использовать идеи Скотта при анализе взаимодействия российского государства и бизнеса. См.: *Барсукова С. Ю.* Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей // *Журнал институциональных исследований*. 2011. Т. 3, № 3. С. 40–56; *Панеях Э.* Правила игры для российского предпринимателя. М., 2008. См. публикации Дж. Скотта на русском языке: *Скотт Дж.* Анализ коррупции в развивающихся странах // *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции* / Сост. и отв. ред. О. Б. Олимпиева, О. В. Паченков. СПб., 2007. С. 17–55; *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005; *Скотт Дж.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьянства // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник* / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1996. С. 26–59.

⁹ О понятии господствующей идеологии подробнее см.: *Abercrombie N., Hill S., Turner B.* *The Dominant Ideology Thesis*. L.: Allen & Unwin, 1980.

¹⁰ См.: *Edelman M. J.* *Constructing the Political Spectacle*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

¹¹ М. М. Бахтин пишет: «В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей

эта бинарная пара, распределяющая коммуникации акторов господства, работает на сохранение самого господства. Ритуализация протеста в данном случае выступает необходимой стабилизирующей технологией, гарантирующей легитимное проявление недовольства, поскольку долгосрочные отношения доминирования с необходимостью предполагают механизмы снятия напряженности при сохранении самой иерархической конструкции.

Ключевой вопрос во всей этой схеме: как подданным стать свободными не в кафе или во время карнавала, а в обществе, которое только при определенных условиях становится гражданским. Карнавал когда-нибудь закончится, из кафе придется уйти, и на следующий день все начнется снова: начальники будут начальниками, а подчиненные подчиненными. Все дружно выпустили пар социального напряжения.

В современной ситуации телевидение – пространство «публичного транскрипта», Интернет – пространство «скрытого транскрипта». Попытаемся спроецировать модель Скотта на современную российскую ситуацию. Ключевая характеристика российской политической культуры – это доминирование телевизионного медиума в формировании легитимной картины происходящих в стране событий. Учитывая развлечение как имманентную тенденцию, свойственную этому типу медиа, «телевизионная политика» стремительно церемониализуется и эксплуатирует формат политеймента. Это означает эстетизацию восприятия реальности, где визуальное до-

правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, завершению и концу. Он смотрел в незавершимое будущее» [1990. С. 15]. «Дух свободы», переживаемый во время современных российских митингов протеста зимы 2011 / 12 гг., в некотором смысле сопоставим с духом средневекового карнавала как минимум в том, что в обоих случаях те, кто выходят на площадь, очень четко осознают, что не будет репрессий со стороны властей – именно репрессий, ставящих клеймо на индивидуальных биографиях, а не символических инсценировок «борьбы с хулиганством», особенно когда в полицейском «бобике» оказывается протестующая медиазвезда, по мобильному телефону перед портативной камерой демонстрирующая свой протест («выпустят точно и точно покажут по телевизору»). В первом случае репрессивный потенциал государства еще отсутствует, во втором случае – уже отсутствует.

минирует над дискурсивным. Гражданин превращается в отстраненного зрителя спектакля власти, который эта власть устраивает «в ящике». Отечественный социолог Б. Дубин пишет по этому поводу: «Российский социум консервируется сегодня как сообщество зрителей, а не развивается как демократия участников. В сознании принадлежности к такого рода “мы” россияне объединены сегодня именно своей социальной и политической пассивностью. Эта пассивность и позволяет власти риторически апеллировать к “большинству”, чтобы вполне практически устранять те или иные “меньшинства” (нежелательные – поскольку неуправляемые – партии, самостоятельные гражданские и профессиональные организации, непослушные медиа, несговорчивых “олигархов”, вообще любые сколько-нибудь независимые инстанции и фигуры). Призывы официальной власти и официозных политиков к национальному единению, его лозунги и символы выступают сегодня в России условием деполитизации социума. Общим языком политического в такой ситуации становится исключительно державное (великодержавное), а ведущим моментом риторики выступают лозунги и символы сплочения “всех” против воображаемого врага и вокруг единой фигуры первого лица» [2005]. Говоря языком Скотта, телевизионные спектакли власти – это актуализация «публичных транскриптов», ориентированных на символическую фабрикацию коллективной идентичности, в своих наиболее патологичных формах ressentimentа иногда тяготеющую к советизированному спектаклю «всемирного одобрения».

Вместе с тем интерактивные возможности Интернета предоставляют доминируемым такие коммуникативные площадки, где они могут артикулировать свой протест и генерировать группы по сетевому принципу. В политическом плане интернет-среда в ее различных форматах насыщается нарративами «скрытых транскриптов», хотя, безусловно, не только ими. Отсюда все те «ненормативные» аспекты, которые характеризуют обсуждение политики в блогах, социальных сетях и т. д. Обценная лексика и жаргонизмы – это не проявление бескультурья и плебейства (с этой снобистски-интеллигентской точкой зрения давно пора расстаться), а классическая и универсальная

тактика доминируемых, направленная на коммуникативное занижение и фетишизацию статуса доминирующих.

Воздействие «цифрового раскола» поколений на характер политической активности будет возрастать и порождать конфликты легитимации. Следует подчеркнуть, что в долгосрочной перспективе отдельного и пристального внимания заслуживает вопрос о механизмах политической мобилизации аудиторий и генерирования политических институтов через Интернет. То, что это практически плохо работает сейчас, – временное явление, поскольку политический протест и активность в этой среде реализует российская молодежь, составляющая демографическое и социальное меньшинство.

«Цифровой раскол»¹² проходит по поколениям, родившимся во второй половине 1980-х гг. Именно они сейчас вступают в активную жизнь и именно они практически не знают того, что такое советская власть, но при этом прекрасно коммуницируют в Сети. Характер медиапотребления этих поколений не связан с классическими медиа эпохи зрелого Модерна. Новостной контент потребляется и обсуждается ими в Сети. Телевидение для них – это медиум развлечений и зачастую «глумления» над властями, реализуемого в «скрытом транскрипте» через блоги или разговоры на кухне. Кроме того, в условиях посткоммунистической деидеологизации и активного внедрения в политическую практику технологий маркетинга молодые поколения ведут себя как потребители услуг государства и политического рынка. В этом смысле политический консьюмеризм¹³ выступает ключевой характеристикой культуры российской молодежи. Иными словами, протест, который реализуется ими в Сети, – это протест потребителей, выросших в относительно стабильные годы путинского правления. Как пишет в этой связи В. Тарасенко, «митинги 2011 года – это не митинги маргиналов. Это митинги недовольных потребителей, чья компетенция и самосознание дошло до понимания того, что государство продает ему

некачественную услугу (выборы) по завышенной цене. Государственный менеджмент – это не только менеджмент финансов, налогов и нефти. В первую очередь – это менеджмент прав и обязанностей, возникающих при социальных взаимодействиях. Так вот проблема состоит в том, что инфраструктура и идеология этого менеджмента сейчас, в XXI в., похожа на инфраструктуру нашего ЖКХ – она изношена и идеологически ориентирована на век двадцатый. И это – наша общая проблема»¹⁴. Очевидно, что консьюмеризм маргинализирует классические идеологические дискурсы. Потребители требуют услуг, а не проектов коллективного будущего¹⁵. При этом речь идет о том, что политика интерпретируется в категориях экономики, точнее, логики покупателя, который, как нам известно, всегда прав¹⁶.

В ситуации, когда «лифты» вертикальной мобильности в обществе заблокированы («все занято стариками») или находятся «в долгосрочном ремонте», взрослеющая молодежь будет испытывать и уже испытывает серьезные проблемы с долгосрочным планированием своих биографий, выбором механизмов социализации и карьерного роста. Поэтому, используя терминологию А. Хиршмана¹⁷, можно говорить о «стратегии ухода» (exit strategy), когда наиболее эмансипированные слои молодежи, проживающие в крупных мегаполисах и получившие приличный образовательный капитал, будут связывать свое будущее не с Россией, а с теми странами, где им в их «политическом воображаемом» будет гораздо комфортнее и перспективнее (неочевидно, что так будет в действительности, поскольку речь идет о планировании, которое часто опирается на мифологию будущего).

¹⁴ Тарасенко В. Сети, митинги и новый потребитель. URL: <http://www.russ.ru/pole/Seti-mitingi-i-novyy-potrebitel>

¹⁵ Социологический портрет современной российской молодежи см.: Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России. М., 2011.

¹⁶ Именно в этой консьюмеристской логике была разработана предвыборная программа российского олигарха Михаила Прохорова в ходе президентских выборов 2012 г. См.: Prokhorov M. Russia Needs to Change – but by Evolution Not Revolution. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2012/jan/11/russia-needs-evolution-not-revolution>

¹⁷ См.: Хиршман А. Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М., 2009.

¹² Подробнее см.: Ботьц Н. Алфавит медиа. М., 2011. С. 6–14.

¹³ См.: Лишова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // ПОЛИС. 2009. № 1–2.

В любом случае констелляция целого ряда факторов, воздействующих на характер политической культуры поколений, провоцирует конфликты взаимопонимания. Поэтому традиционные ресурсы легитимации современной российской власти, напрямую завязанные на политические инсценировки, транслируемые подконтрольными ТВ-каналами, не имеют долгосрочной перспективы и потенциала стабильности.

Список литературы

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Дубин Б. В. Посторонние: Власть, масса и масс-медиа в современной России // Отечественные записки. 2005. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1167>

Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М., 2010.

Scott J. C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven; L.: Yale University Press, 1990.

Материал поступил в редколлегию 23.01.2012

D. V. Bereznyakov

PROTEST POLITICAL ACTIVITY IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN INTERNET: A VARIANT OF INTERPRETATION

The paper presents a variant of interpreting the phenomenon of political protest in the Russian internet. The work is based on the ideas of the American anthropologist James Scott, who proposed to distinguish between hidden and public transcripts as specific types of narratives that characterize political domination.

Keywords: political communication, political consumerism, domination, hidden transcript / public transcript, digital divide, legitimation.